

В интересах человека

В повести «Мохо» А. Н. Бурин нарисовал незабываемую картину того, как труд в условиях капитализма уничтожает, похищает человека. «Давно известно, — писал Бурин, — что работа в рудниках, шахтах, на металлургических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на целую четверть. Я не говорю уже о несчастных случаях или непосильном труде. Много ли вы видели на фабрике рабочих старше сорока-пяти лет? Я положительно не встречал. Иными словами, это означает, что рабочий откладывает предпринимателю три месяца своей жизни в год, неделю — в месяц...»

Большая Октябрьская социалистическая революция сокрушила власть капитала и уничтожила каторгу труда. Советский рабочий трудится в новых условиях, о которых не мог и мечтать рабочий описанного Буринным металлургического завода. Жизнь и здоровье советского труженика оберегаются советским законодательством, в основе которого лежит новое, коммунистическое отношение к человеку.

У советской власти, — говорил Алексей Максимович Горький, — нет других интересов, кроме интересов трудового народа. Это единственная в мире действительно народная власть, и она действительно стремится создать для трудящихся более легкие условия жизни, создать справедливое, социалистическое государство.

Одним из первых мероприятий молодого советского государства было издание декрета о введении восьмичасового рабочего дня, о создании инспекции труда — декрета, подписанного Владимиром Ильичем Лениным. «На инспекцию труда возлагается наблюдение и контроль за проведением в жизнь декретов, постановлений и т. п. актов Советской власти в области охраны интересов трудящихся, а равно и непосредственное принятие необходимых мер по охране безопасности жизни и здоровья рабочих и работников». Так говорилось в одном из первых законов молодого советского государства.

Проведение в жизнь сталинского плана индустриализации страны обеспечило коренное изменение условий труда на советских предприятиях. Высокая степень механизации позволила освободить большую массу рабочих от тяжелых физических усилий, создала все предпосылки для уничтожения грани между трудом умственным и физическим. На службу интересам советского труженика встала наука. Обширная сеть научно-исследовательских институтов — 6 институтов охраны труда в системе ВЦСПС и 7 институтов гигиены труда при Министерстве здравоохранения СССР — занимается изучением условий, в которых работает советский человек и разрабатывает мероприятия по гигиене труда и технике безопасности.

Совершенно преобразился облик советского завода. Перестали быть инвентарными, пыльные заводы с свистом тающих капель первой-пятнадцатой. Сейчас та же заводская у нас тысячи, и отличительная черта каждого — высокая культура производства. В цехах установлены замечательные вентиляционные установки для очистки воздуха от пыли, calorifiers для поддержания постоянной температуры воздуха, чудесные лампы «дневного света».

По почину московских рабочих на лучших предприятиях страны развернулось движение за озеленение внутризаводских площадей, за хайнейший подъем культуры производственного быта.

Сбываются мечты великого Ленина — о том, что социалистическая электрификация «сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории».

Даже в трудные военные годы партия и правительство увеличивали ассигнования на охрану труда. На заводах, в шахтах, на железных дорогах неустанно осуществлялись крупные мероприятия по технике безопасности. Все это способствовало резкому снижению производственного травматизма. С 1929 по 1946 год количество несчастных случаев на производ-

стве уменьшилось в четыре раза!

Как не похоже это на положение, в котором находится рабочий класс в капиталистических странах — США и Англии. В угольной промышленности Англии ежегодно на каждую 1.000 рабочих падает 229 несчастных случаев. В 1943 году в английской горнорудной промышленности было зарегистрировано 173 тысячи несчастных случаев против 130 тысяч в 1938 году. Еще хуже обстоит дело в США. Число несчастных случаев на производстве во всех отраслях промышленности и транспорта здесь за год превышает 2 миллиона, из которых около ста тысяч заканчиваются смертью рабочего или тяжелым увечьем.

Не желая облегчить положение рабочего класса, капиталисты и их прихвостли придумали теорию о том, что с ростом техники неминуемо должно расти и число несчастных случаев на производстве. Это лживая теория полностью разоблачена нашей социалистической действительностью. Именно рост техники, именно оснащение наших предприятий передовой современной техникой позволили нам добиться решающих побед в борьбе с производственным травматизмом. Советское правительство, большевистская партия неизменно следят за тем, чтобы на еще большую высоту была поднята охрана труда человека, чтобы созданы были все условия для плодотворного гигиенического труда и отдыха.

XVIII пленум ВЦСПС отметил, что руководители ряда предприятий угольной промышленности не выполняют коллективных договоров в той части, где говорится об усилении механизации, об улучшении условий труда, а профсоюзные организации не борются за выполнение принятых хозяйственными органами обязательств перед рабочими. Внимание хозяйственных руководителей, профсоюзных организаций в общественности должно быть направлено на безусловное выполнение коллективных договоров и, в частности, тех пунктов, которые говорят об охране труда.

Советский народ самоотверженно трудится во имя торжества коммунизма. И благородный долг руководителей нашей промышленности и профсоюзов — создать советскому труженику самые благоприятные условия для работы. Нужно помнить, что чисто умственный труд, хорошо оборудованная душевая, культурная столовая, уютное общежитие, во-время поставленный вентилятор глубоко и плодотворно влияют на увеличение производительности труда, на досрочное выполнение пятилетки. Об этом должны всегда помнить командиры нашего производства, не забывая решать повседневные вопросы охраны труда и техники безопасности.

А в этом им всегда поможет наша советская общественность.

Советская власть возложила новую профессию, немалую — на социалистическое общество, — техническое инспекторство профсоюзов по охране труда. Инспектор профсоюза — это человек, призванный выполнять предостережения советского декрета об охране труда: человек, являющийся проводником стальной заботы о людях. В своей работе он опирается на армию добровольных помощников, общественных инспекторов из числа лучших рабочих-сталкововцев. В сегодняшнем номере мы публикуем статью Г. Гракова «Новая профессия», описывающую плодотворный опыт работы технического инспектора профсоюза тов. И. Манжурова.

Инспекторы профсоюзов — это советские общественные деятели, понимающие, что выполнение плана зависит не только от снабжения материалами, от обеспечения механизмами, но и от создания человеку необходимых гигиенических, санитарных, культурных условий труда. И эти советские общественные деятели настойчиво борются за выполнение пятилетки на том участке, который им доверен коммунистической партией и народом. Это люди, которые ни на минуту не забывают, что «у советской власти нет других интересов, кроме интересов трудового народа».

Вот на таких людей, свято помнящих об интересах трудового народа, и следует равняться в борьбе за улучшение условий труда советских людей, в борьбе за их счастье, здоровье и жизнь, в борьбе за досрочное выполнение новой сталинской пятилетки!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 79 (2462)

Суббота, 2 октября 1948 г.

Цена 40 коп.

Местопребывание счастья

1.

Несколько дней подряд печатать сообщила о войне между армией Индии и войсками Хайдрарабада.

В 1947 году, когда Индия была разделена на два британских доминиона — Индию и Пакистан, правитель Хайдрарабада княжества отказался войти в Индийский союз. Премьер-министр Индии Неру настаивал на присоединении княжества. Но князь Мир Усман Али Хан — правитель Хайдрарабада — упорствовал. Он мечтал не о том же, что и дядя великий, — о безраздельном угнетении племен княжества, о выкачивании изуродованной даки. Неуступчивость князя объяснялась поддержкой, которую оказывали ему английские империалисты. Верные традиционной политике «разделяй и властвуй», они сталкивали лабы Хайдрараба и Индию.

И вот возник «военный конфликт». Ранним утром 13 сентября индийские войска перешли границу Хайдрарабада. Пять дней танки, артиллерия, авиация и даже парашютисты устремились в Индию, пока он не объявил о том, что капитулирует.

Подполковник этой «маленькой войны» кроется в том, что британское «социалистическое» правительство Уинстона Черчилля: Хайдрараба — самое крупное в Индии княжество с населением около 17 миллионов человек. Уже давно оно охвачено крестьянским движением, грозившим прогнать не только князя, но и распространиться на районы вне княжества. К князю Мир Усман Али Хану, разумеется, в его способности притупить народный гнев, совершив темную сделку, возложили теперь эту миссию на премьер-министра Индию...

2.

В апреле прошлого года я с группой товарищей вылетел из Бомбея в княжество Хайдрараба. Советским самолетом управлял Герой Советского Союза летчик, Езерский. Апрель стоял индийский. День пыла в «стеклах» самолета.

Если бы под самолетом не пробегали банановые и пальмовые рощи, поля — мелкие и тщательно распаханные — показались бы мне былыми полями среднеазиатских дехкан. Я видел индусский омач, кол для пахоты; омач забит нами в Таджикистане, где индусы многоземельные плуги, плущие за молотом трактором. Самолет словно отнесло далеко в прошлое; нахотный кол ташил горбатый зобу, за омачем шел испепеленный солнцем и голым индус; он сжимает три-четыре урчажа в год (не для себя) и умирает от голода.

3.

Визит Хайдрараба. На аэродроме нет ничего, что напоминало бы старые крепости Индии, прославленные стены Лаулабада (в переводе «местопребывание счастья»), где спасались индусы от врагов. Аэродром был до чрезвычайности оживлен британскими самолетами, украшен британскими орудиями и танками. Если на аэродроме летал чей-то дух, то был это дух Будды и не дух Магомета, а скорее всего дух парламентского секретаря по делам Индии...

Восьмидесять лет назад француз Людовик Руссел в своей книге путешествий отметил: «Англичане управляют страной от имени князя Гейдрараба». Они и теперь управляют от того же имени; в этом я убедился, когда, выйдя из самолета, увидел глаза английского майора, глядевшего на нас не столько с любопытством, сколько с программной любознательностью.

Хайдрараба расположен неподалеку от древней столицы этого княжества Голконды, славившейся на весь мир своими грандиозными мастерскими алмазов. Уилки Коллинз, автор «Луного камня», имел в виду дивный алмаз Голконды. Коллинз мог бы написать второй том же занимательный роман о нынешнем хайдрарабском наместнике, потомке многих князей — мурху, Мир Усман Али Хане, этом генерал-лейтенанте по должности, влиятельном князе по рождению, человеке, достаточно умном по состоянию.

Один из его предков любил птиц. Он имел придворную голубятню. «Вызвал замуж» невзлюбленную голубку, он украсил ее шейку маленьким ожерельем из драгоценных камней. Играла музыка. Двор низам-мурху сиял огнями. У дворца, в грязи, умирал бездомный от дистрофии...

История чуть варьируется, но продолжается, — все та же история.

Херстовская газета «Джорнал америкэн» в статье «Миллардер» сообщила, что Мир Усман Али Хан владеет британскими на сумму в два миллиарда долларов и золотыми счетами на сумму в двести миллионов долларов. Чем же принц Голконды!

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Один из французских журналов в статье «Самый богатый и самый бедный» сообщает о Мир Усман Али Хане, что этот богатейший в мире человек отличается некоторой скупостью; он имеет одно платье и, отдавая его в стирку, пребывает в своем дворе в райском общине. Чем же Гарпагон!

Стояла джумма (пятница), праздничный день мусульман. Может быть поэтому мэр города, один день недели посвящающий богу, а не англичанину, не выехал встретить делегацию восьми советских республик. Наш принц для него не был, так сказать, «джуммой»; на лицах британцев мы тоже не заметили радостного отчаяния «пятницы».

Я навалю шопера; в нем не было ничего от облика жителя Голконды. Он жевал просианую ленту, носил ботинки английского военного покроя в белую чалму. Ботинки, загорелыми ступнями шопер ловко управлял пешеходом старой американской машины, и мы поехали по улице, оставаясь за собой густое облако пыли.

Еще на аэродроме я увидел, что в свободном княжестве Хайдрараба вооруженный силу представляли только англичане, гарнизона князя — раззакры были заняты стубой индусскими дедами; они выжили глаза тем, кого считали наименее виновными.

Мы веселились миме пустых залов, покнутых жителями. Замечательна дома индусско-мусульманской архитектуры. Иногда между домами вырастала дикая скала. И слова арабские на стенах, записанные чуждым, снова маленькие базары и кривые улицы.

4.

Я отыскал под кипарисом у огромного здания Мекке-мечети. Она построена в конце двадцатых годов, при шахе Орабее. Открытые залы мечети покрыты мощными колоннами. В одном из залов — гробницы предков князя. Вокруг надгробий на колоннах стояли молящиеся и размеренно кланялись камням.

Ко мне неуверенно подошел горожанин. Он спросил: таджик ли я. В столице князя есть кварталы, заселенные представителями племен, говорящих на персидском языке. Узнав во мне таджика, этот человек отрекся от своего служения экспедиции городского почтальника; восточник, с оттенком молбы, он просил меня посетить его дом, обаяв, что живет в Индии с начала 1917 года.

Мы вошли в хижину Мухамеджана. Он сам сложил стены из толстых побегов бамбука и сам после сезона дождей смазывает плоскую крышу глиной. На стене висела этажерка с книгами; внизу стоял зеленый сундук, покрытый обрывком таджикского сарая, коврик — память о родине.

Я сказал Мухамеджану, что на-днях я повею на стене Индо-советского общества в Бомбее большой сюзане, вытканной старыми холотскими мастерицами.

— О, боже мой, ведь я тоже холотжен! Теперь вы можете догадаться обо всем остальном! Я был помощником швейгера на разработку бурных углей под Холдентом в кое-что развлекся рабочим; и меня стрелял жандарм. Разу перевезла шахтеры, и ночью я ушел в Ура-Тюбе, откуда, подвешившись, отправился за Намир. Я мновал Афганистан, был грузчиком в Дели, строителем деревенских мостов под Джамшуром и, наконец, стал почтальоном здесь, в Хайдрарабаде.

Он помолчал и с дрожью в голосе спросил:

— Какое же сегодня мой Холдент? — Холдент обновился; нет в нем старых домов, где выкармливали тучных червей, нет базара, где в грязи тонули осы; на месте старого Холдента вырос новый город — Ленибаба, а на берегу Сыр-Дарьи — парк культуры.

— Ах, моя родина! Должно быть, я и не узнал бы ее! — Скорее всего не узнал бы. Высокие дома Ленибаба окружены не пустыню, а большими промышленными комбинатами. Холдент знал только базарных певцов, а теперь Ленибаба — раскрасив поэзия. Здесь живет наш вылающийся романист, таджик Тоис. Другой ленибабацкий прозаик Рахми Джамиль — автор романа «Гулра» о молодой таджичке, участвовавшей в создании на нашей земле советской власти.

— Свои писатели в Холденте! — воскликнула старик. — Это дорожко алмазов дворца хайдрарабского князя! — В 1916 году крестьяне-таджики подняли мятеж против царских чиновников; городок Холдент был центром восстания.

— Представьте себе, Мухамеджан, это так. Ленибабацкий поэт Али-Заде недавно перевел алмаз горьковского творчества «Девушку и Смерть».

Мой собеседник внезапно изменился в лице:

— Я вам, гость, после что-то скажу. А сейчас я хочу знать, что же вокруг промышленных комбинатов — те же поля, на которых сажали тыква?

— Нет, Мухамеджан! Там колхозники сеют длинноволокнистый хлопок, и там насажены урюковые сады; на Ленибабацкие агрономские консервы славятся в СССР и во всем мире.

Старик наклонился и, отрыв зеленые сундуки, вынул «сирок», ковровый мешочек; он извлек из него тканый — на реденьком шелку — портрет Льва Толстого; портрет был тем эконмен, что Д. Н. Толстого можно было принять также за Рабдраната Тагора. Из-под палки старик вытаскивал еще меньший мешочек, запуская в него пальцы, словно за пошью табак; он завернул щепотку серой пыли в бумажку и заявил, что это земля Холдента, лаванка родного праха, — с нею Мухамеджан навсегда ушел с родины.

— Земляк, — продолжал Мухамеджан, — я оставил себе нежного земля, чтобы его, когда придет время, посылали тело в Хайдрараба; прошу, вот это отнесите, как мой привет, в Ленибаба, высыпьте щепотку в парк культуры; пусть Сыр-Дарья, оживляя эту горстку земли, вдохнет в нее вечную жизнь.

Он взял с этажерки две книги и протянул их мне; стихи Маяковского на русском языке и томик Горького на таджикском языке; в него был вложен листок — перевод «Девушки и Смерти».

— Недавно я ехал по делам почтовой экспедиции в Бомбей. Сестра поэтессы Паду, работающая в Индо-Советском обществе, вручила мне этот листок; я не знал тогда, что эти стихи переводил холдентец. Поклонитесь от меня Али-Заде! ...Он провозжал меня в аэродром 10 или 12 километров; мы шли городом среди неведомых, гробниц, висящих, рудных бульбулей (соловьев), шел для выкалывания глаз, залуг, из которых выбегали пшени, соборянок, где жили «советские» — англичане.

Прощаясь, он поднял свои изящные темные руки и воскликнул, просясь белыми зубами:

— Ленибаба!

Закат зажег скалы в отдалении; английский самолет, танки и орудия багровели, точно облитые свежей кровью.

5.

Прошло полтора года.

Сейчас, я полагаю, мой хайдрарабацкий собеседник размышляет над словами бывшего парламентского секретаря по делам Индии Батлера, заявившего на-днях: «Считаю, что весьма значительная ответственность за хайдрарабацкие дела ложится на плечи правительства его величества».

Эта ответственность, мы думаем, существует назавда. Правительство его величества отвечает и за свои танки, действовавшие против хайдрарабацев, и за шала, которыми раззакры выкалывают глаза зорола.

Батлер, назвавший князя «другом Англия», нежно заботится о его бриллиантах и золотых слитках; ведомо его высочество князь, как только народ поднялся голову, немедленно попросил прислать нескольких дотопных англичан, которые разобрались бы в положении дед.

Еще до начала военных событий английские офицеры и американские миссионеры вылетели из хайдрарабацкой столицы. Эти офицеры и миссионеры были не менее осведомлены, чем шеариская пожарная команда, которая, как известно, выезжала на пожар за три часа до его начала. Нет дыма без огня. Нет Мир Усман Али Хан без лорда Батлера.

Британские офицеры покинули Хайдрараба потому, что были хорошо осведомлены о судьбе, уготованной Хайдрарабаду... Войска губернаторства Индийского союза вступили в Хайдрараба. Но они пришли не за тем, чтобы положить конец деспотии князя, его министров и феодалов. Жизнь в богатства князя, «старого и преданного друга Англия», как называют этого деспота мистер Батлер, фессорно, не находилась в опасности. «Преданного друга» оберегают агенты английской разведки. В опасности непременно остается свобода хайдрарабацкого народа.

Я видел хайдрарабацев, говоря с ними, и я уверен, что этот многострадальный люд, в конце концов, найдет свой Лаулабад — местопребывание счастья. И, может быть, это будет скорее, чем кажется многим.

Славный юбилей

Чествование академика Т. Д. Лысенко

30 сентября в конференц-зале Министерства сельского хозяйства СССР состоялось юбилейное заседание, посвященное пятидесятилетию со дня рождения и двадцатипятилетию научной и общественно-политической деятельности выдающегося советского ученого — президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина академика Т. Д. Лысенко.

В том самом зале, где два месяца назад происходила сессия ВАСХНИЛ и звучали разоблачительные речи ученых-мичуринцев, где были наголоу разработаны последовательные реакционно-идеалистического лагеря в биологической деятельности выдающегося советского ученого — президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина академика Т. Д. Лысенко.

Открывая заседание, министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов отметил крупнейшие заслуги Т. Д. Лысенко в деле развития передовой науки, его горячую заботу о процветании нашего сельского хозяйства.

С докладом о жизни и деятельности Т. Д. Лысенко выступил директор Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева тов. В. Н. Столетов. Характеризуя работу Т. Д. Лысенко, внесшего неопределимый вклад в агробиологическую науку и в народное хозяйство, докладчик подчеркнул, что Т. Д. Лысенко является ярким представителем того советского, качественно нового типа ученого, для которого посылы всего служение науке, народу. Родные. Т. Д. Лысенко — славный новатор науки, верный и последовательный ученик Мичурина, творчески развивавший советскую агробиологию.

С теплыми поздравлениями и приветствиями юбиляру выступили представители министерств, научно-исследовательских сельскохозяйственных учреждений, опытных станций, колхозов Украины и Азербайджана прислали на юбилей свои делегации. Юбиляру были преподнесены приветственные адреса и подарки.

Множество поздравительных телеграмм со всех концов страны пришло в адрес юбиляра. Среди них — поздравления Н. С. Хрущева, колхозников села Карловки Полтавской области — родины Трофима Денисовича и многие другие.

Выступая с ответным словом, академик Лысенко сердечно благодарил собравшихся и всех тех, кто отметил его юбилей. Он сказал:

— Наука коллективна, как ни одна другая область человеческой деятельности. Ученый в науке, наука не может творить один. Он опирается на опыт, на труды миллионов людей. Теснейшая связь науки и практики в делах мичуринцев и правила к тем успехам, о которых сегодня сообщалось в печати и говорилось на этом собрании. Внимание, оказанное мне сегодня, я отношу не к себе лично, а ко всей советской сельскохозяйственной науке. В своей работе я всегда опирался на колхозное крестьянство, на тысячи опытных, агрономов и селекционеров.

С сердечной теплотой произносит Т. Д. Лысенко здравцу великому Сталину и большевистской партии.

— Нам мудрый Сталин, наша родная большевистская партия создали великое, могучее советское государство. Сталин и коммунистическая партия заботятся о развитии и укреплении отечественной науки, вдохновляют нас, советских ученых, на новые творческие научные искания. От всей души благодарю их за это.

Но одной словесной благодарности мало. Нужны дела. Я обещаю нашему народу, нашей партии и впредь посвелеваю помогать производству, я ставлю своей задачей вместе со всем коллективом ученых и практиков сельского хозяйства добиться увеличения на один грамм веса зерна в одном колосе. А что это значит? Это значит, по крайней мере, вдвое увеличить урожай хлеба!

Я обещаю приложить все силы и умение, чтобы помочь колхозникам поскорее вытеснить в степной полосе хоть несколько миллионов гектаров леса.

Думаю, что это возможно, хотя и нелегко. На то и существует наука, чтобы преодолевать трудности. Бойтесь трудностей не свойственно людям советской науки.

От всей души еще раз благодарю партию и товарища Сталина, которые меня воспитали, колхозников и всех работников сельского хозяйства, трудовые дела которых послужат основой дальнейших успехов советской сельскохозяйственной науки!

Книги татарских писателей на чувашском языке

КАЗАНЬ. (Наш корр.). Произведения лучших писателей Татарии пользуются популярностью в братской Чувашской автономной республике. В последнее время в Чебоксарах изданы на чувашском языке произведения Габдуллы Тукая, Гумара Баширова, Ахмета Еркенеева, Габдрахмана Абсалямова. Выходят в свет повесть Ками Наджи «Костры на берегу», песни Мир-Амира «Минникамал» и «Песня жизни».

Сейчас на чувашский язык переводится новый роман Гумара Баширова (Разина) «Честь».

ЗАКОНЧИЛСЯ КОНКУРС НА ОДНОАКТНУЮ ПЬЕСУ

Закончился второй всесоюзный конкурс на лучшую одноактную пьесу для театральных коллективов художественной самодеятельности. Конкурс был объявлен Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР.

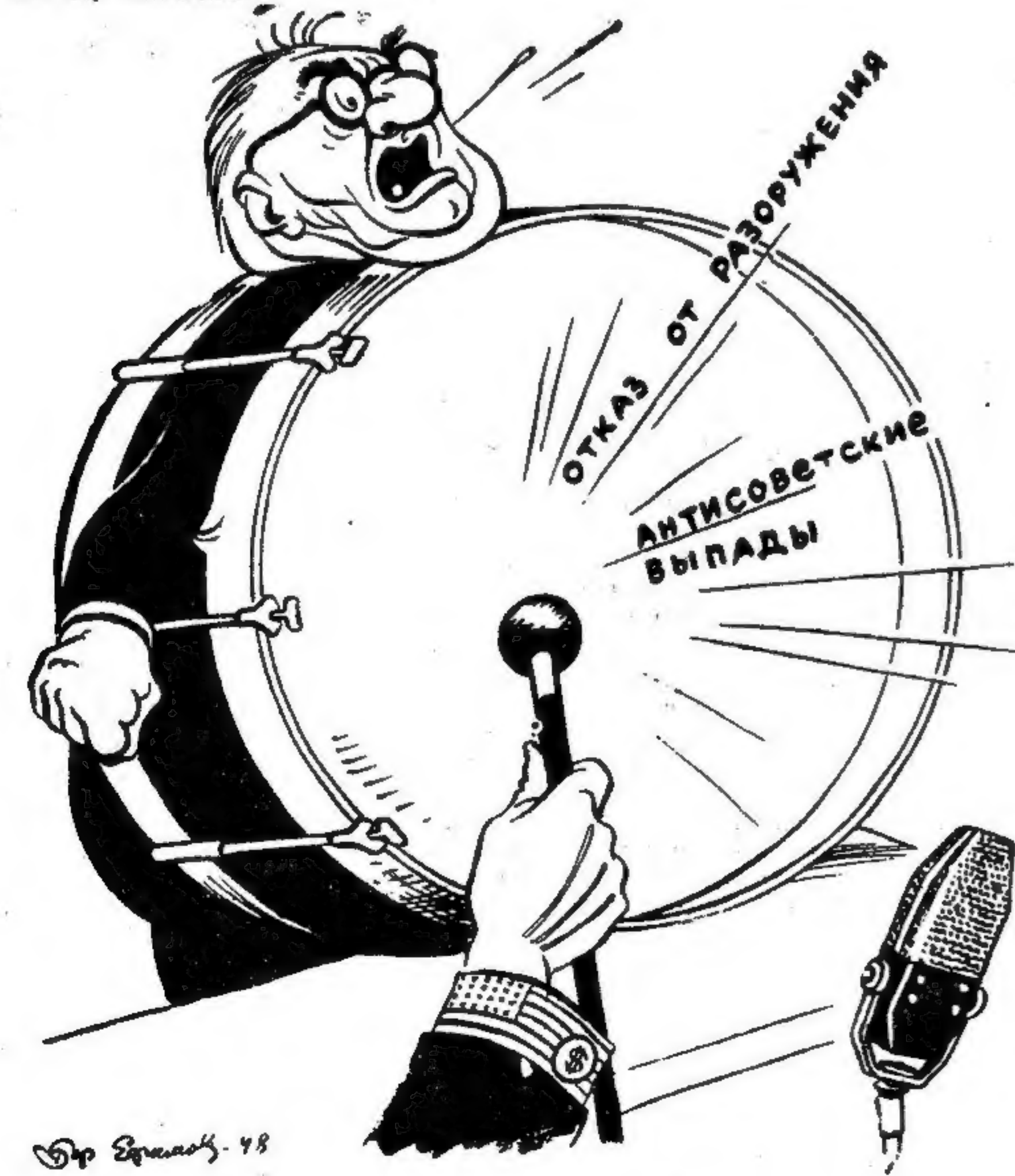
Жюри рассмотрело 643 одноактных пьес. Решено первую премию не присуждать, так как все пьесы, представленные на конкурс, чуужаются в авторской доработке. Вторую премию — 10 тысяч рублей — получила А. Паван (Ереван) за пьесу «Счастливая семья». Две третьи премии по 5 тысяч рублей присуждены И. Стасенко (гор. Шахты, Ростовской области) — за пьесу «Гражданин страны» и А. Шольник (Харьков) — за пьесу «Родные люди».

Жюри рекомендовало отделу художественной самодеятельности Всесоюзного комитета по делам искусств продолжить работу с авторами восьми пьес, которые могут быть приобретены для самостоятельного театра.

Отметив творческую удачу отдельных драматургов, жюри указало, однако, что общий идейно-художественный уровень пьес, представленных на конкурс, отстает от возросших требований, предъявляемых советским зрителем к современной одноактной драматургии.

К ВЫСТУПЛЕНИЮ МИСТРА БЕВИНА

Рис. Вор. КОЗМОВА.

Лондонский «голос США»

УРАЛЦЫ ЭЛЕКТРИФИЦИРУЮТ КОЛХОЗЫ КАЗАХСТАНА

СВЕРДЛОВСКИЙ. (Наш корр.). На днях из уральского города Камышлова в Кустанайскую область Казахстана отправлено три вагона изоляторов. Их изготовил камышловский изоляторный завод. Уральский гидроэлектростроительный завод отгрузил для Казахстана гидроэлектростроительные материалы.

Это ушли с Урала первые партии оборудования, которое свердловцы заготавливают для электрификации казахских колхозов.

Совет Министров Казахской ССР и Центральный Комитет КП(б) Казахстана обратились к трудящимся Свердловской области — первой области сплошной элек-

трификации — с просьбой помочь казахстанцам электрифицировать сельское хозяйство республики. Обращение нашло горячий отклик на многих предприятиях Свердловской области. Коллективы заводов и фабрик Урала уже в нынешнем году обещали электрифицировать в Казахстане 200 колхозов; будут введены в эксплуатацию 60 гидроэлектростанций и 60 тепловых установок.

Над пятидесятью колхозами Кустанайской области шествует коллектив Уралмашзавода. Все подготовительные работы по электрификации этих колхозов закончены. Бригада специалистов Уралмаша ра-

ботает сейчас в Кустане. Будут построены три кустовые тепловые электростанции мощностью в 700 киловатт.

Сейчас в Казахстане, кроме уралмашевцев, уже находится представительств 36 заводов Свердловской области. Они разрабатывают проекты и сметы колхозных электростанций. А на ведущих заводах Урала идет горячая работа, чтобы обеспечить в срок электрификацию подшефных колхозов. Комплекуются также строительные бригады для отъезда в Казахстан.

Мощная промышленность сталинского Урала осуществляет почетную задачу, помогая электрифицировать сельское хозяйство братской республики.

героическую действительность

Исторические постановки ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам определяли пути развития всей советской литературы, как литературы высоко-идеальной, подлинно народной, проникнутой духом партийности, литературы, воспитывающей в советских людях уверенность в победе коммунизма. Эти постановления, доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и постановление ЦК ВКП(б) Казахстана «О грубых политических ошибках института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» помогли казахским писателям вскрыть существенные недостатки в развитии казахской советской литературы, способствовали повороту творческой деятельности писателей в актуальные темы советской действительности.

Появились первые произведения, свидетельствующие об идейно-творческом подъеме казахской литературы.

Вышла на печать вторая книга романа М. Ауэзова «Абай», правдиво отображающая классовую борьбу в дореволюционном ауле, воссоздающая благородный образ выдающегося просветителя и демократа. С. Муканов закончил роман «Сыр-Дарья». Г. Мустафин — повесть «Миллионер». Эти произведения показывали героический труд колхозного крестьянина, во время Отечественной войны и в дни послевоенной пятилетки. Появились рассказы малоизвестных раньше авторов — Иманжанова, Сагымбаева, Тисова, Есенберлина. Обращал на себя внимание молодой прозаик А. Нурпасов.

Поэзия обогатилась содержательными, хорошими стихами поэтов Аманжолова, Сопля, Сарсенбаева, Молдагазиева.

Писатели углубили работу по переводу на казахский язык русской классической и советской литературы, произведений писателей братских республик.

Однако казахская литература все еще отставала в своем развитии от передовой советской литературы. Центральный Комитет КП(б) Казахстана проверял, как выполняли казахские писатели исторические постановления ЦК ВКП(б), и принял постановление «О состоянии и дальнейшем развитии казахской советской литературы».

«Многие произведения, — говорится в постановлении, — написанные на современные темы, в идейно-художественном отношении слабы, в них недостаточно и неумело отражены большие преобразования казахского аула, рост экономики и культуры республикан за годы советской власти. Было показано самонадеянное отношение к литературе, роль партии Ленина-Сталина в превращении Казахстана из отсталой окраины царской России в социалистическую республику».

Писатели пока еще не сумели нарисовать во весь рост героев недавних великих сражений, созидательный труд советских людей в новой сталинской пятилетке. Существенным пробелом в развитии казахской литературы является недостаточное развитие романа, повести — жанров, свидетельствующих о зрелости литературы.

Идейная направленность, целеустремленность является основным качеством советской литературы. Однако некоторые писатели не понимают, что идея только тогда крепка, когда она органически слита с художественной тканью произведения. Иногда важнейшие вопросы идейности наших писателей решаются упрощенно, примитивно. В произведении механически «включаются» секретари партийной организации или какой-нибудь герой с русской фамилией, и автор считает, что этим он отобразил руководство партии и историческую роль русского народа. Нередко писатели думают так: чтобы создать хорошее произведение, достаточно вызвать ту отрасль хозяйства, которую автор избрал объектом для своего произведения, а показать роль партии в руководстве этой отраслью не так уж трудно, имея отмеченные выше

«резервы». Глубоко ошибочное и вредное представление! Подойти к правдивому описанию явлений нашей действительности можно, только изучая жизнь и работу партийной организации, изучая терпеливо, глубоко, пылко. Нужно буквально слиться с жизнью партийной организации.

Не говоря уж о молодых авторах, не свободных от серьезных погрешностей в своем творчестве, такие ведущие писатели, как С. Муканов, Балуган-Шолак, герой его одноименной повести, — историческая личность, о нем в народе сохранились интересные сказания. Вполне естественно, что Муканов написал произведение об этом человеке. Но в процессе творчества писателя, видимо, обнули сомнения: как могла такая сильная и гордая личность не определять своего отношения к существующему строю, к судьбе народа? Вопреки исторической правде, вместо того, чтобы рассказать, как этот на редкость одаренный человек, буртатынчик, по существу, стал жертвой своей эпохи, автор приводит своего героя к социал-демократии.

Некоторые писатели в своем творчестве отходят от метода социалистического реализма. Особенно резко это сказалось на творчестве А. Тажимаева, корни ошибок которого уходят в буржуазный символизм. Хотя ошибки А. Тажимаева были очевидны, они остались не замеченными нашей критикой до постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров.

В ряде произведений, в частности М. Хакимжановой и Х. Бекхожина, неправильно трактовались истоки героизма казахов на фронтах Отечественной войны. Эти авторы всецело положились на исторические традиции. Видеть истоки героизма нашего народа только в исторических традициях — принципиальная политическая ошибка. Разве от недостатка традиций наш народ отказывался воевать в 1916 году? Героизм всех советских людей, в том числе и казахов, берет начало в великих идеях нашей партии, сменителем дружбы советских народов, в великой правде нашей социалистической действительности. Вот это и должны были отразить писатели в своих произведениях.

Жизнь требует, чтобы наши прозаики и поэты постоянно общались с народом. Никакой талант, никакой поэтический дар не могут выручить писателя, если он не участвует в жизни своего народа.

Основной недостаток повести Г. Мустафина «Шуганак Берснев» кроется в том, что автор не изучил, не понял до конца нашей социалистической жизни. Мировую славу Берснева он увидел в том, что знаменитый провозглашал деревенский чингиз металическим насосом. Этим Мустафин не возмужал, а умял Берснева. Автор не раскрыл секрет величия своего героя, заключенный в новаторском патристическом труде. Следует указать, что талантливый писатель сделал правильные выводы из той критики, которой подверглась его повесть. Это помогло ему избежать новых ошибок в новой повести «Миллионер».

Казахская достигла больших успехов во всех областях народного хозяйства. В республике выросли тысячи, десятки тысяч новых героев послевоенной сталинской пятилетки. Достаточно указать, что только в 1947 году более двухсот передовиков сельского хозяйства получили звание Героя Социалистического Труда. Это историческое событие в жизни нашего народа достойно в первую очередь найти отражение в художественной литературе. А между тем, крупный поэт Г. Орманов написал на эту благородную, значительную тему низкопробные, скверные стихи. Спрашивается, что получились бы, если бы передовые люди наших колхозов допустили небрежность в выращивании культур и их участии по-

ходили бы на стихи Г. Орманова? Разумеется, эти люди не могли бы удостоиться присвоенного им высокого звания. Почему же человек, удостоенный высокого звания советского поэта, разрешает себе писать плохие стихи? Очевидно, это произошло потому, что Г. Орманов оторван от жизни, от своего народа.

Вторая серьезная причина низкого идейно-художественного уровня произведений — недостаточное образование многих писателей Казахстана. Современный писатель должен быть человеком большой культуры. Этого, к сожалению, нельзя сказать о многих наших литераторах. Некоторые из них имеют уже 10—15 лет, но до сих пор не имеют высшего образования, с трудом говорят и читают по-русски. В таких писателях можно отвести А. Абашева, К. Абдукадырова и других.

Есть у нас немало прозаиков и поэтов, которые почему-то перестали писать. За последние годы Г. Муратов выпустил только одно значительное произведение — повесть «Базар-батыры». Молчат также поэты, как А. Токамобетов и Т. Жароков.

Не лучше обстоит дело и с драматургией. Написанные на современные темы пьесы: «Шолпан Кызы» Акынжанова, «Дала Жудузы» Хусанова, «Арбасу» Джумалиева и Сарсенбаева и другие, принятые Управлением по делам искусств в постановке, отличаются очень низким идейно-художественным уровнем.

ЦК ВКП(б) Казахстана особо отметил исключительную слабость литературной критики, не отвечающей возросшим требованиям современной казахской литературы. Творчество наших писателей еще ни разу не подвергалось серьезному критическому анализу, критика ограничиваясь своей деятельностью краткими рецензиями на то или иное произведение.

Наличие крупных недостатков в казахской советской литературе связано с серьезными организационными неполадками в работе казахского Союза советских писателей. Союз писателей неудовлетворительно осуществляет руководство и контроль за творческой деятельностью литераторов. Это и привело к тому, что в республике мало появляется произведений на актуальные темы современности. Плохо поставлена работа с литературной молодежью, а также с прозаиками и поэтами, работающими на периферии.

Необходима коренная перестройка работы Союза писателей, изменение метода руководства творческой деятельностью каждого литератора.

Союз советских писателей должен уделять особое внимание выращиванию и выдвиганию наиболее талантливых писателей. Им надо помочь советами, здоровой критикой их недостатков. В этом большую роль должны сыграть наши ведущие писатели. Постоянным примером должна быть для них та огромная работа, которую проделал с молодежью А. М. Горький.

ЦК ВКП(б) Казахстана обязал президиум Союза писателей изучить все указанные недостатки и мобилизовать писателей Казахстана на создание фундаментальных, высокоинтересных, художественных произведений, воспитывающих советский народ в духе патриотизма и любви к Родине, вдохновляющих строителей послевоенной сталинской пятилетки на творческий созидательный труд.

«Важнейшей задачей писателей и поэтов республики, — говорится в постановлении, — ЦК ВКП(б) Казахстана считает правильный выбор тем и отображение в своих произведениях того небажного революционного скачка, характерного для развития экономики и культуры Советского Казахстана, который явился результатом правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии».

Василий Иванович Качалов

БЕССМЕРТНЫЙ ТАЛАНТ

Умер великий артист из поколения социалистического Московского Художественного театра. Умер Качалов, подлинный любимец народа.

Качалов сыграл на сцене Художественного театра Гамлета и Чацкого, Бранха и Юлиана Цезаря, Тугенбаха, Трофимова и Тригорина, Барона в «На дне» и Захара Бардина в пьесе «Враги». С поразительной глубиной и силой он воплощал лучшие образы русской и мировой драматургии. Он донес до народа образы Чехова и Горького, сумел показать богатейший дух русского крестьянина-патриота Вершинина в пьесе Всеволода Иванова «Брошенные 14-69». Только Качалов мог с такой проникновенной глубиной и мудростью художника вести рассказ «от автора» в «Бескровии» Льва Толстого. Стихи Пушкина, Лермонтова, Бюкса, Малковского и Багрицкого звучали в устах Качалова, и едва ли кто-либо иной мог с такой убежденностью передавать мысль поэта, его заветы человечеству.

Этот великий и обаятельный актер и в жизни был добр, прост и отзывчив. Рассказывают о его любви к молодежи, вспоминают удивительную скромность и деликатность Качалова, говорят о светлом чувстве товарищества, которое было у этого человека. Он показывал пример, как надо служить искусству, — беззаветно, самоотверженно и благородно. В дни Великой Отечественной войны он приходил к раненым солдатам и офицерам; сердечным и трогательным были его беседы с людьми, а его искусство — поистине целительным.

Он любил писателей, поэтов, драматургов. Они отвечали ему такой же теплой любовью и уважением. Когда-то Горький писал о том, какими бывают великие люди наедине с собой. Однажды случившись увидеть Качалова в одиночестве, на прогулке. Это было в Барвихе, в подмосковном санатории, в ранний утренний час.

Еще не рассаялся туман над прудом, пели птицы, легкий ветерок шумел в верхних елоях. Стояла торжественная тишина, и вдруг в этой тишине послышался знакомый, неповторимый голос, который можно было узнать из тысячи. На берегу пруда

Василий Иванович Качалов

возник слух Василия Ивановича. Он шел и читал вслух монолог Сальери Пушкина. «Родился я с любовью к искусству», — доносилось до нас. Это звучало с глубокой искренностью и силой. Это была правда, — он, Качалов, родился с любовью к искусству, и любовь эта гармонически сочеталась в нем с любовью к родному народу, которому служил его редкий, обаятельный и мудрый талант.

Л. НИКУЛИН

Памятью сердца

Горько думать, что Московский Художественный театр отпразднует свой 50-летний юбилей без Василия Ивановича Качалова, отдавшего этому великому театру 48 лет жизни, 48 лет редкого специального совершенства.

Несколько поколений передала Качалова на сцене. Люди моего возраста знали его молодым.

С каким душевным трепетом подходили мы к невысокому зеленоватому зданию театра с чайной у входа. Двухэтажное, оно казалось нам величественным.

Удивительное дело! И сейчас, среди многоэтажных домов новой Москвы, оно кажется таким же.

С каким волнением говорили мы: «Сегодня увидим Качалова». С тем же трепетом повторяли эти слова молодые девушки и юноши, стоявшие за билетами у кассы театра совсем недавно.

Качалов был гордостью русской сцены. Он был гордостью сцены советской. Верность классическим традициям сочеталась в нем с чувством новоты. Качалов после в себе целый мир образов. Он был творчески счастлив своим богатством и делал счастливыми нас, своих зрителей и слушателей.

Мы запомним Качалова памятью сердца. Той самой сокровенной его частью, где хранят все возвышенное и прекрасное.

Вера ИИБЕР

Тяжелая утрата

Было время, когда казахские писатели и актеры только начинали создавать свой театр. И как вдохновляющий пример перед нами стояли образы — творения лучших актеров Художественного театра — и, прежде всего, образы качаловские.

Василий Иванович Качалов — актер, в чьем исполнении любая роль раскрывалась необыкновенно глубоко и разнообразно, и вместе с его трактовкой образа менялась и по-новому освещалась — вся пьеса.

Если театр не может существовать без высокой драматургии, то сама драматургия не может расти без таких могучих талантов, как Василий Иванович Качалов.

Качалов в самой высокой степени обладал умением, по словам Б. С. Станиславского, «изобразить жизнь человеческого духа». Правильно передать характеры, довести их в образно-богатом языке могут только актеры Качаловского звания.

Качалов был учителем не только русских актеров, но и всех лучших актеров нашей Родины, всех национальных театров. Не только актеры, но и казахские драматурги учились на его творчестве пониманию человеческого характера. Как часто я ловил себя на том, что за рулем вспоминаю свои посещения Художественного театра и монументальные образы — создания большого и многогранного художника Качалова. Современное исполнение Качалова — это его совершенное понимание образа героя; глядя на великого актера, я всегда вспоминал наш молодой казахский театр. Наши лучшие актеры Балбег Куанышбаев, Серке Кожамкулов, Айманов, Букеева овладевали подлинным реалистическим искусством, следуя замечательным традициям МХАТ. Они нередко говорили мне, что Московский Художественный театр и Качалов были их университетом.

Смерть Василия Ивановича Качалова — тяжелая утрата для всей советской культуры. Казахский народ навсегда сохранит в памяти этого великого художника.

Конст. ФЕДИН

Мухтар АУЗОВ

А. ТВАРДОВСКИЙ

Албанские записки

2. Деревня Братей

С белой, горячей, шуршащей жесткой щебенкой большой дороги, то вырубленной уступом в почти отвесных горных склонах, то перекашивавшей долинами, равнине, как поверхность озер, машина свернула вправо. Теперь мы ехали по дороге, которая была уже даже прежней, и развешенная по встречной стороне здесь было попросту невозможно. Впрочем, трудно было и предположить, что нам может повстречаться машина: дорога была очень мало извещена; должно быть, по ней редко проходили даже сельские двухколесники; она даже затравившаяся, затравившая, конечно, не так, как какой-нибудь наш старый проселок, но все же на ее каменистом грунте отчетливо обозначались две прерывистые полосы низкорослой колючей травы.

Но и здесь, на одном из открытых поворотов, я заметил глубоко внизу, метрах в пяти-десяти ниже дороги, ржавый, измятый остои обгоревшей машины, как-то зацепившийся там за каменные торчаки крутого, как стена, обрыва. Действия партизан вынуждали итальянцев и немцев выдвигать глубоко в горы свой боевой транспорт, где он подпрыгивал на минах, подвергался обстрелу из засад, застревал на непроходимых участках полудорог, подвергался, подобно той, по которой теперь пробиралась наша маленькая машина, едва ли не первая из этих мест после войны.

В километре с небольшим от деревни Братей, куда мы держали путь, машина опять остановилась, и опять шофер Бола заявил, что эта неприятная вихляла в его предположении, но он уже не уверял нас, что через две минуты все будет в порядке.

Мы пожелали ему успеха в ремонте и направились в Братей пешком.

См. «Литературную газету» 74 т.

Нас было четверо: секретарь местного партийного комитета Бекир Юсуфов, красивый человек лет тридцати, с прямым толстым носом и большими карими, умными и вежливыми глазами, как почти у всех албанских писателей Шехер Мусарри, очень суровый, много курящий человек лет сорока; совсем молодой рослый парень, порочник Фикари и я. Фикари был старшим из нас, но моих албанских друзей. Еще в Тирране, в день прибытия советской делегации на конгресс албано-советской дружбы, при первой встрече выяснилось, что Фикари, студент Серверовского университета, прошедшей весной видел меня на университетском литературном вечере. Это было достаточно, чтобы нам здесь, на албанской земле, встретиться, как старым приятелям.

Байот отряпной предвечерней свежестю окатывал нас с тех пор после душной машины, еще как бы сохранявшей полуденный жар Валоми!

О неволе духоте напоминали только пылающие, еще стрекочущие в аустах, но уже не с той однообразной, металлической резкостью. Мы были довольно высоко в горах, хотя никто точно не мог сказать, сколько это метров над уровнем моря, я вечер своей прохлады, заплотом свежестию идыл прямо-таки напоминал наши деревенские вечера. Вместе с тем он был полон и своих особых примет — звуков, красок и запахов.

Деревня Братей лепилась по широкому склону от подножья большой черной горы, уходящей на две стороны, но восточнее помыла река. Деревня была еще освещена заходящим солнцем — лучи его тянулись высоко над нашими головами, над затененной горными выступами долиной. Нежно в грустную заката жгущие колокольчики деревенского стада, нетерпеливо сучкавшегося с гор к деревне. Птица дичком, но не дичком от березовых или еловых голубешек, с каким-то жористым души-

стым дымком от горных древесных пород. И еще пахло чем-то почти знакомым, сдобным — это был запах кукурузного хлеба, выпекаемого на углях, в куполообразных глиняных печах. Мы были уже почти на окраине деревни.

Братей, Братей, — тихо, как бы про себя, сказал Бекир Юсуфов. Он был ролен из этих мест, здесь ходил в партизанах, и, должно быть, это тихо повторенное название деревни по-особому отзывалось в его душе.

Смерть фашизму! — услышал я вдруг и чуть не задрожал.

Эти слова громко сказала, обращаясь к нам, высокая спущившаяся на кустов на дороге пожилой албанец в тяжелых домашних хлопчатых штанах, застегнутых у шир на пуговицы, в суконной жилетке и такой же куртке, небрежно вспнутой на левое плечо.

Свобода народу! — быстро отозвался Бекир и протянул ему руку.

Я уже знал эти слова по-албански, этот шарах и отмы партизанского времени.

— Ты так эта, ты так эта! — приветствовал нас горно, что означало: «здравствуй», или совсем дословно: «здравствуй, доброе утро», или «здравствуй, доброе утро». Мы были в пути, он уже давно видел нас сверху и спустился, чтобы первым встретиться гостям у входа в деревню.

Он пошел противную Бекир руку, и затем он быстро приложился щекой к щеке, слева и справа. И, не разжимая рук и приближившись к нам, он тихо, с выражением большой участливости друг к другу, поговорил о чем-то. Бекир представил всех нас первому из жителей деревни.

Фикари прервал слова пастуха:

— Он очень рад, что первым приветствует дорогих гостей деревни Братей. Он провозил нас до первых холмов деревни. Там стоял человек десятков мужчин, опираясь на длинные гладкие рукоятки копий — они только что пришли с поля. Национальные, домашнего назначения шаровары, жилеты, пояса и шапочки сочетались

с бедоносным сукном трофейных френчей, с городскими летними безрукавками и джемперами на молниях. Только на ногах преобладали самодельные боты, наподобие мокасин или русских крестьянских чухель.

Несколько поодаль стояли две женщины с праками в руках — албанки не расстаются с ними не только дома, но и в дороге. Лапа их не были закрыты, что для мусульманской местности являлось отчасти вольностью. Одна из них, которая была постарше, курнула толстую самоварку.

Все подорожалось с нами за руку с непринужденной и вместе с тем восторженной и доверчивостью. Со многими из них, в том числе с пожилой женщиной, Бекир поговорил, как и с пастухом, — по-русски. Старший по виду из мужчин в белой суконной куртке сказал:

— Мы давно знаем и любим Советский Союз, но впервые явился в нашей деревне советского человека, жителя города Москвы, мы очень рады.

С этими словами он приложил руку к груди и слегка наклонил голову; то же самое сделали все стоявшие в кругу, причем каждый перебрался мотыгу в левую руку и чуть-чуть отнес ее в сторону. Это было красиво и походило на великий воинский знак приветствия. И во всей осязке этих людей, в согласной гибкости каждого движения сказывалась воинственная дух и многовековой воинский опыт народа, много борющегося за свою свободу.

Фикари перевел мой ответ на приветствие, и вновь со сдержанной истинностью кинулся круг мужчин, и я еще раз услышал, что женщина очень довольна оказанным им чеством, и еще раз поприветствовал Фикари перед тем благодарностью за честь, оказанную мне такой радостной встречей.

Конечно, во всем этом обилие любезности порядочно было перемешано обязательностью. Но, вняв лапу моих хозяев, утлаывая за сдержанностью и принятой церемонностью обращения искреннейшее радушие, я чувствовал нешуточную значительность момента, к которому сам был вынужден непринужденно огромностью моего представления. Я был первым советским человеком, которого видели эти люди. Они смотрели на меня с ладным, но уважительным и любовным вниманием.

Мы прошли всей толпой по улице деревни, где много домов стояло с выгоревшими окнами, перебитыми, без крыш или были вовсе разрушены. На выбитых козлах каменитой площадке, возле здания школы, ничем, впрочем, не отличающегося от других деревенских домов, был разостлан коврик для гостей, а хозяева усадились вокруг.

Вот здесь, в глубине малоизвестной нам даже по книгам горной страны, в албанской деревне, несмотря на крайнюю непохожесть обстановки, мы вели беседу, алая могла бы происходить где-нибудь в безлюдном или селенном селе после освобождения от оккупантов.

Эта деревня была одним из тех мест, где оккупанты не могли удержаться на длительный срок. Партизаны из окрестных непохожих обстановки, мы вели беседу, алая могла бы происходить где-нибудь в безлюдном или селенном селе после освобождения от оккупантов.

Эта деревня была одним из тех мест, где оккупанты не могли удержаться на длительный срок. Партизаны из окрестных непохожих обстановки, мы вели беседу, алая могла бы происходить где-нибудь в безлюдном или селенном селе после освобождения от оккупантов.

— Мы имеем теперь землю, и мы — свободные люди, — говорила наша хозяйка. — Погодите, мы будем жить хорошо. Энвер был в Москве у Сталина. Энвер сказал: Ты помоги нам добыть свободу, помоги нам построить новую жизнь. Сталин сказал: Помоги. Спасибо Сталину, спасибо великому советскому народу!

И столько преданной веры, столько признательной любви к нашей Родине было в этих словах, в глазах, загорававшихся всякий раз, как речь касалась Советского Союза, Красной Армии, Сталина.

Всякий советский человек на моем месте испытал бы то же, что я при этой встрече, и так же затрунчался бы передать в коротких и точных словах испытанные им чувства. Я не представлял себе, что в деревушке, куда, может быть, со времени войны еще ни одна машина не добралась, в сердцах простых людей, так сказать, глубокой албанской провинции, живет такое отчетливое и ясное сознание зависимости своей победы над врагом от победы советского оружия и такая безграничная признательность к нам за помощь в мирной жизни, такое трогательное почтение самого имени нашей страны.

Когда речь шла о разрушениях, учителя в деревне карательными отрядами, была названа мечеть, и я, учитывая предание старших возрастов среди участников беседы, сказал, что надо полагать, мечеть будет вновь отстроена. И прежде чем уяснил в словах переведенный мне ответ, я понял его по тому смеху, который всплыл среди правоверных.

— У нас есть гораздо большая забота: построить новую школу, а без мечети как-нибудь обойтись.

Желаю разрушить односторонний характер беседы, я попросил Фикари поблагодарить его соотечественников за все, что они рассказали о своей жизни, и узнать, нет ли у них вопросов ко мне. Мне казалось, что буду засыпан разнообразными вопросами. Но я не ушел, что распрощаться гостя о чем бы то ни было, особенно в первые часы знакомства, но бычачи

(Продолжение на 4-й стр.)

Поль Спаак — адвокат агрессоров

Поль Спаак с молодых лет играет в социализм. В молодости с группой рыцарей социалистов в широких штанах он маршировал с красным флагом по улицам Брюсселя и даже собственноручно разбил стекла в редакции одной из негодной ему католической газеты.

Сейчас Спааку 48 лет. Он растолстел и обрел, как Черчилль, с которым, кстати сказать, имеет не только внешнее сходство. На дрожжах социалистической партии, известной предательством интересов международного рабочего движения, Спаак поднялся до поста премьер-министра и министра иностранных дел Бельгии. Он давно помирился с католиками, а по улицам Брюсселя теперь шныряют его полицейские, которые избивают и бросают в участки бельгийских студентов только за то, что последние протестуют против демонстрации гнусного антисоветского фильма «Железный занавес» и провозглашают лозунги, призывающие к дружбе с Советским Союзом.

На международных конференциях и на происходящей ныне Генеральной Ассамблее Спаак много разглагольствует о свободе и правах человека. Но, как видно, у себя дома, в Бельгии, премьер-министр привык осуществлять «свободу» посредством полицейских научных и разведывательных дубинок. Внешнеполитический курс, взятый нынешним правительством Бельгии во главе со Спааком, полностью соответствует неким англо-американскому блоку. Спаак послушно исполняет все, что приказывают Бевин и Маршалл.

Не случайно Брюссель был избран местом для заглавной агрессивной сделки пяти государств — Англии, Франции и стран Бенлюксы; ведь в Брюсселе есть Спаак, который потратится со своим обычным адвокатским красноречием обличить в красивые одежды «объединенной Европы» или «европейского парламента» вновь созданный западный военный блок. И Спаак не пожалел сил, выполняя это поручение, являющееся не чем иным, как частью плана агрессоров. Спаак действовал заодно с Черчиллем, который успел уже провести специальный конгресс сторонников «объединенной Европы».

Спаак не скупился на пышные, вытесненные фразы, чтобы замаскировать истинные цели блока пяти государств. Подписав брюссельский пакт, он помчался за океан, в Америку, чтобы, с одной стороны, еще раз засвидетельствовать свое почтение его величеству доллару, а с другой — заручиться поддержкой крепкого американского долларника, хотя последний и без того уже поставил Бенилюксу на шахматную доску будущих авантюры.

Еще в прошлом году на Генеральной Ассамблее в Нью-Йорке Спаак высказал «теоретические соображения», согласно которым малым странам следует отказаться от своего государственного суверенитета. Спаак назвал суверенитет устаревшим, реакционным понятием и беззастенчиво предложил сдать суверенитет народов в архив, ибо он несовместим с политикой осуществления американских планов экспансии и мирового господства.

Немного позднее Спаак пошел дальше и заговорил конкретнее и смелее. Во время заокеанского путешествия, на пресс-конференции в Вашингтоне в апреле этого года в ответ на вопрос, проходил ли в настоящее время граница Союзных штатов в Европе, Спаак, не задумываясь, выпалил: «Я уверен в этом». Он мог бы не без оснований добавить, что США имеют свою границу и в Бельгийском Конго, где добывается, между прочим, уран, от перекачивания которого в США союзники кутят перепалат и в карманы господина Спаака.

В настоящее время Спаак особенно рьяно пытается доказать, что блок пяти государств создан для целей обороны этих стран. Но кто угрожает, в примере, Бельгии? Что заставило генеральные штабы пяти государств собраться в Париже на подозрительные секретные совещания? Не обсуждали же военные министры пяти государств планы уничтожения мухи «целес» или проекты разведения земляных орехов, о чем так увлекательно говорил на Генеральной Ассамблее мистер Бевин под аллюзиями Спаака?

Однако, как бы ни жонглировал Спаак мировыми фразами, ему не удастся обмануть бельгийский народ. О том, куда ведет Спаак Бельгию, писала недавно брюссельская газета: «Подписывая брюссельский пакт, Спаак толкнул Бельгию в лапы сторонников войны».

В общих прениях на нынешней Ассамблее Спаак выступил почти последним. Его держали, так сказать, в резерве, чтобы неизвестными устами приукрасить унылую речь Маршалла и копировать грубые антисоветские выпады Бевина.

Поднявшись на трибуну, Спаак применил свои актерские навыки и драматический разрывал роль перепуганного буржуа. Чего же испугался г-н Спаак? Атомной бомбы? Нет, в атомном пугале Спаак отнюдь не вполне равнодушен. Он, являясь, борется Советского Союза и коммунизма. И Спаак пошел такой бред о «красной опасности», что ему мог позавидовать даже сам Бевин. Маршалл, которого, как известно, природа не наделила особым даром слова, тут же публично похвалил Спаака за его провозглашенную речь.

Сейчас Спаак подвизается на посту председателя первого политического комитета Генеральной Ассамблеи. В первом комитете будут обсуждаться важнейшие политические вопросы — об атомной энергии, предложения СССР о сокращении вооружений, вопрос об итальянских колониях, о приеме новых членов в ООН, корейский вопрос и другие. Именно поэтому в председательское кресло посадили Спаака, этого мастера юридической казуистики и крохотворства. Свои способности в этом отношении он полностью проявил на первом же заседании 29 сентября, когда привлек все внимание, чтобы расположить вопросы повестки дня в порядке, выгодном англо-американскому большинству.

На том же заседании произошел характерный случай. Американский представитель Остин настойчиво пытался открыть на задний план вопрос об итальянских колониях. Он не соглашался даже на то, чтобы этот вопрос был поставлен в повестку дня, опасаясь, что обсуждение проблемы итальянских колоний совпадет с президентскими выборами в США и может представить американскую дипломатию в невыгодном свете перед избирателями итальянского происхождения. Тогда выступил Спаак. Он заверил Остина, что раньше, чем через полтора месяца, об итальянских колониях не может быть и речи. Остин успокоился.

Так завернул и изворачивается бельгийский премьер-министр в угоду своим покровителям. О том, кому он служит, повелел миру сам Спаак в речи на Генеральной Ассамблее 28 сентября. Пропев дифирамбы «плану Маршалла» и предсказав, что европейская цивилизация невозможна без американской тушканки, он заявил, что его, наверное, «будут называть продавцами Уолл-стрит» и лжецом американского империализма. Не будем возражать господину Спааку. Народы имеют лишь русскую поговорку: «На воле — шалка горит».

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 1 октября. (По телеграфу).

Еще о „третьем пути“ Фагерхольма

Помещенная в № 64 «Литературной газеты» от 11 августа статья «Третий путь» Фагерхольма вызвала широкий отклик в финской и шведской прессе и среди зарубежных читателей. Печатаемое нами письмо, автор которого называет себя простым человеком из народа, свидетельствует о том, что содержание нашей статьи встречено с одобрением широкими массами трудящихся Финляндии.

Весьма ясно характеризует нынешнее внутрисполитическое положение Финляндии тот факт, что автор письма убедительно просит не разглашать его фамилии в печати и воспользоваться псевдонимом.

Вам пишет простой человек из народа. Здесь, в Финляндии «третьего пути» Фагерхольма, мы переживаем очень мрачный период. Я решил написать вам сейчас, так как через некоторое время это, несомненно, будет почти невозможно из-за еще большего усиления цензуры.

Хочу сердечно поблагодарить вас, друзья, за помещенную в вашей газете статью «Третий путь» Фагерхольма, с содержанием которой я на днях ознакомился здесь. Именно такие статьи помогают нам, ибо они говорят о том, как социальная общественность оценивает развитие событий в Финляндии.

Я и многие товарищи, с которыми мне приходилось беседовать по этому вопросу, пришли к заключению, что если бы в мирном договоре не было пунктов, гарантирующих нам, финляндцам, народным демократам, свободу деятельности, то мы уже отступились бы в сторону.

Фагерхольм и его сторонники связали свою судьбу с судьбой финляндских крупных капиталистов и их зарубежных покровителей. Ведь без помощи и поддержки этих кругов эти господа не сидели бы теперь в правительстве и не хвастались бы перед народом мнимыми заслугами, которые они якобы имеют как «борцы за дело трудящихся».

Сегодняшняя действительность в Финляндии совершенно противоположна всем стремлениям народных демократов. Сохраняющаяся по сей день реакционная клика продолжает мечтать об установлении фашистского режима в Финляндии и о том, чтобы захватить в средневековые замки, а большинство народа предоставить лагерю с колотом проволокой.

Реакционные силы ведут сейчас агитацию по всей стране. Достаточно сказать, что даже в школах у нас преподают, главным образом, учителя, отягощенные вполне «фундаментальными» реакционными взглядами. Те немногие лица, которые мыслят иначе, вынуждены сейчас скрывать свои симпатии к народным демократам; и все равно они подвергаются диким преследованиям.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ХОДКИ ТОВАР

Американские бизнесмены ныне в состоянии заняться не только калькуляцией стоимости человека, но и отделением его органов. В частности, сейчас в связи с успешной хирургией ходким товаром в США является живой человеческий глаз. И спрос — даже столь чудовищный — рождает предложение.

Как сообщает «Драйроу», некий Виктор Сенсир из города Акрон предложил продать свой глаз фермеру Перкинсу за 10 тысяч долларов. Деньги ему нужны на прокормление семерых детей.

Тридцатилетний шofer Фризе из штата Иллиной также предлагает продать свой глаз за 10 тысяч долларов. Он утверждает, что его, наверное, «будут называть продавцами Уолл-стрит» и лжецом американского империализма. Не будем возражать господину Спааку. Народы имеют лишь русскую поговорку: «На воле — шалка горит».

Плотник Кайр, тридцати шести лет, из штата Род-Айленд, готов продать свой глаз, чтобы хоть на время совладать с нуждой.

гонениям со стороны современных запущенцев.

Как мы видим, воспитание молодого поколения мало чем отличается от того, каким оно было и до войны; и во время войны: иначе говоря, от того, каким оно было в период господства в Финляндии мажорных реакционеров и союзников Гитлера. Такой же примерно дух царит и в учреждениях, «Бюро оставлен сторожить оторгу», — чиновники-фашисты как ни в чем не бывало пребывают на прежних постах. Все это заставляет меня сомневаться даже в том, выполнят ли нынешнее правительство требования мирного договора. Ведь фашисты-таннеровы всегда делали все возможное, чтобы не допустить увольнения чиновников, враждебно настроенных по отношению к СССР.

Все это меня очень беспокоит, и я много думаю над этими проблемами.

Между Советским Союзом и нашей страной заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, одобренный обоими сторонами Фагерхольма всерьез старались сопротивляться и подписание договора они изо всех сил тормозили. Но в результате обещания своих усилий демократический лагерь Финляндии добился подписания договора. Это было большим ограничением для господ, придерживавшихся «третьего пути». Что касается трудового народа Финляндии, то для него этот договор является источником уверенности и надежды. Мне хотелось бы, чтобы демократы в борьбе с фашизмом действовали столь же активно, как они действовали, когда добивались заключения договора с СССР. Но фашизм укрепляет свои позиции в Финляндии и вновь пытается предать наш народ. Он получает инструкции из-за рубежа и усиленно старается втянуть Финляндию в число участников «плана Маршалла». Борьбе говоря, реакционеры поют невнятные песни о мире, дружбе, но в действительности готовят почву для новой войны.

В создавшейся обстановке для меня особенно ясно, что, лишь самоотверженно борясь за политическую победу демократии и за то, чтобы не на словах, а на деле выполнение советско-финляндского договора, мы, рабочие Финляндии, сможем уничтожить в корне угрозу возрождения фашизма в нашей стране.

Я верю вам, дорогие товарищи, верю потому, что Советский Союз неизменно ведет благородную миролюбивую политику и искренне стремится к поддержанию добрососедских, дружественных отношений с моей страной и моим народом.

С сердечным товарищеским приветом

КАНСАНМИЕС.

ФИНЛЯНДИЯ.

„Без любви и вдохновения“

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Комиссия по критике и литературоведению Ленинградского отделения Союза советских писателей обсуждала работу критического отдела журнала «Звезда» в связи с опубликованием в «Литературной газете» статьи А. Никольской «Без любви и вдохновения» (№ 75). Участники обсуждения признали статью справедливой и согласились с выводом, что журнал «Звезда» ведет свой критический отдел беспартийно, апolitично.

На собрании ленинградских критиков и литературоведов с докладом выступил заведующий критическим отделом «Звезды» Р. Мессер. Все ожидали, что т. Мессер попытается самокритически проанализировать работу руководимого им отдела, вынесет на обсуждение конкретный план его перестройки. Но, к сожалению, т. Мессер пошел по иному пути.

Предупреждая участников собрания, что они услышат не доклад, а... размышления, Р. Мессер принялся перечислять «объективные причины» и «объективные обстоятельства», которые, якобы, помешали плодотворной деятельности критического отдела. Р. Мессер оглушил обилием всех ленинградских литературоведов в том, что они остаются элитами Веселовского и сторонниками всяческих формалистических «школов». Поэтому, якобы, отдел критики не смог организовать статьи, разоблачающие сторонников враждебной методологии в литературе.

Удаление собрания вызвали и «размышления» заведующего критическим отделом «Звезды» по поводу печатающихся в журнале «объективных размышлений». Оказывается, что в этом журнале не авторы рецензий и не руководители критического отдела, а некие неизвестные работники редакционного аппарата, которые, не желая обижать писателей, бесцеремонно меняют оценки! Р. Мессер горько жаловался на то, что в его статье о сборнике А. Гитовича «Стихи военного корреспондента» приведена «Литературная газета» в качестве примера «уловительной критики». Между тем, как заявила заведующая критическим отделом, она отрицательно оценила этот сборник, а похвалы, которые содержатся в рецензии, таинственным образом в неизвестно кем дописаны (!).

Как бы ни были многословны «размышления» Р. Мессера об «объективных причинах», она не могла опровергнуть основного: критический отдел «Звезды» не удовлетво-

ряет читателей и писательскую общественность. Тем не менее, заведующая критическим отделом, отчетливо демонстрируя свою нетерпимость к критике, большое место в своих «размышлениях» отдала полемике с автором обзора, опубликованного в «Литературной газете». Р. Мессер заявила, что обзор этот необъективен и несправедлив. Обосновывая свои обвинения, она привела такой парадоксальный довод: «Наша недостаточная серьезность и глубина, чем это считает «Литературная газета»».

Затем выступил главный редактор «Звезды» В. Дружинин. В отличие от Р. Мессера он сказал, что работа критического отдела журнала подтверждает основные положения статьи в «Литературной газете». В. Дружинин правильно поставил вопрос о необходимости создания вокруг редакции крепкого ядра критиков и литературоведов, способных содействовать решительной перестройке критического отдела.

О нетребовательности, которая существует в критическом отделе, резко говорил заместитель председателя ЛенССП и член редколлегии «Звезды» Ю. Герман. Он привел множество примеров штампов, бездоказательных, беспринципных оценок.

На собрании выступили также И. Серман, Г. Макогоненко, проф. Г. Гукоский, Т. Трифонова, проф. Л. Плоткин и др. Почти все выступавшие усмотрели в докладе т. Мессера стремление завуалировать действительные причины резкого спада в работе критического отдела.

Выступившая отмечала, что после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «Звезда» сумела обогнать вокруг себя лучшие литературоведческие и критические силы, и поэтому критический отдел журнала завоевал заслуженный авторитет и широкий круг читателей. Однако в текущем году критический отдел «Звезды» перестал быть организующим и направляющим центром. Строй свою деятельность на «самолете», на «оборонительных позициях», он не проявляет никакой творческой инициативы, не направляет критиков и литературоведов на решение актуальных задач, стоящих перед нашей литературой.

Участники обсуждения выдвинули ряд тем, которые, по их мнению, должны быть освещены на страницах «Звезды». Комиссия по критике и литературоведению совместно с редакцией журнала разработает конкретный план участия критиков и литературоведов в работе журнала «Звезда».

„Декларации и дела одной комиссии“

В связи со статьей Вл. Бахметьева «Декларации и дела одной комиссии» — о деятельности комиссии по работе с молодыми авторами Союза советских писателей СССР, напечатанной в № 68 «Литературной газеты» от 25 августа 1948 года, президиум ЦСП Узбекистана проверил, как поставлена работа с начинающими писателями в республике.

Проверка показала, что газета своевременно поднимала вопрос о работе с начинающими авторами. Комиссия Союза советских писателей Узбекистана в основном ограничивалась своей деятельностью пределами Ташкента и оставляет молодых авторов, живущих на периферии, без систематического руководства и помощи. Но даже и в Ташкенте работа с молодыми писателями на-

ходится на недостаточном высоком уровне. За последний год значительно снизилось качество внутренних рецензий на творческие произведения авторов. Недостаточно квалифицированы письменные консультации поэтов В. Мильчакова и В. Липкина. Вместо подробных отзывов консультанты ограничиваются не вполне грамотными отписками, которые ничем не могут помочь авторам рецензируемых произведений.

Президиум ЦСП Узбекистана принял ряд конкретных мер по улучшению работы с молодыми авторами.

Члены проверочной комиссии президиума ЦСП Узбекистана: С. СОМОВА, М. ИСМАИЛИ, МИРТЕМИР.

СЕРЬЕЗНАЯ УГРОЗА ДЕЛУ КНИГОТВОРЧЕСТВА

В июле этого года Совет Министров СССР принял решение о развешивании книжной торговли в стране. Местные организации обязаны этим решением оказывать всемерную помощь: Коопсу и, в частности, предоставлять необходимые ему помещения.

Это в особой мере относится к Москве, где расположены крупнейшие типографии и книжные базы страны. По сведениям Коопсу, на складах московских типографий в настоящее время скопилось горы книг: 4 миллиона экземпляров, более ста вагонов. Ввиду недостатка складских помещений, — государственного значения, — книжный кооператор работает с напряжением.

Между тем сейчас ему грозит неожиданная остановка.

22 сентября заместитель председателя исполкома Моссовета тов. Семенов отдал распоряжение об отъезде части основного книжного склада Коопсу на Варшавском шоссе для нужд хозяйственных организаций. Нам кажется, что это распоряжение тов. Семенова по существу противоречит указаниям правительства о развешивании книжной торговли, ставит под угрозу работу московских типографий. Освобождение лобов от этажей книжного склада возможно только при условии разгрузки книг на улицу.

Еще не поздно исправить положение. Мы думаем, что исполком Моссовета может найти резервную складскую площадь в городе, не нарушая регулярной снабжения книгой советских читателей.

Албанские записки

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

не только албанского, но и многих других народов, считается неприличным, неслыханным. В ответ на мое предложение я услышал еще раз слова о радости, которую доставил жителям деревни Братый своим приходом товарищ из Москвы.

— Вперед еще ночь и день, и столько дней и ночей, сколько гость пожелает у нас остаться.

Переведя последнюю фразу, Фикари добавил от себя:

— Будет большая обидя, если вы не останетесь ночевать.

Я охотно согласился, поблагодарил хозяев и только сказал, что утром мы должны вернуться в Валону, где нас будут ждать члены советской делегации. Когда этого в кругу сидящих прошел какой-то легкий шорох, и старший обратился к Фикари.

— Они хотят пить и танцевать, — перевел мне Фикари. — Если желаете, то нужно пойти на другое место.

Мы перешли на другую площадку еще выше, которая была выстлана камнями, и немного поспешив, мы перекосились от времени. Это был ток, где молотил хлеб, гонимый по кругу лошадей или мулов, и танцевальный круг одновременно, то, что у нас в деревнях называется пятачком. Пятачок этот помещался у подножия каменного холма, может быть огромного пещерного камня, скатывшегося когда-то сюда с гор, заслоняющих деревню с юга. Уже совсем стемнело, и фигуры мужчин, взявшихся за руки и разбежавшихся пятачком, как это делается в коло, уже были потерянны легкой сумеречной тенью. Чего-то не хватало, чтобы начать действие. Бекри вышел из пятачка, подошел к ведущему, у которого правая рука была свободна (это был опять же албанец в белой куртке), и вот в этой руке у

него развернулся каемчатый платочек. Я понял, что у людей, пришедших к работам в холмистой будущей одежде, не оказалось этого малого атрибута пляски. Мусарай, Фикари и я присели в стороне. Выхуши откатывались, но еще не зашел, а сказал, как бы в третий раз повторил слова приветствия:

— Мы очень довольны, что нам оказана честь... Мы ждем, что наши товарищи, бывшие в боях за свободу, не присутствуют среди нас...

После этого он зашел, и стало понятно, для чего он сказал последние слова: песня посвящалась памяти погибшего героя. Все подхватили и пошли пятачком по кругу, приплясывая в каком-то необычном ритме, разворачиваясь в пологороте друг к другу. Навес, напоминающий, как мне показалось, залпы наших кавказских горцев, печальный и мужественный, звучал в незыблемой тишине вечера и близким эхом отзывался в горах.

Певает Мусарай сложившись над блоном, устроив его у себя на колене, и с ухваткой опытного собирателя стал записывать, несмотря на сумерки. Это было нетрудно, так как каждая строка песни повторялась не меньше трех раз, как мне пояснил Фикари. Вот дословный перевод песни:

— Когда создавалась наша партия, — баллисты* арестовали Лазе Нуру и посадили его в тюрьму. Но он и не подумал из бояться. «Я ненавижу врага», — сказал он, и все честные люди говорят так. Поэтому мы чести побед.

Когда мне переводили строку за строкой эту песню, я не мог сразу уловить соответствия ее слов с особенностями исполнения. Что, например, означают эти яростные притоптывания ногами при словах «и по-»

* Баллисты — буржуазные националисты, прислужники оккупантов.

сидили его в тюрьму? Оказывается, каждое колено пляски и большая или меньшая энергия ее ритма воспроизводят как бы недостающие в песне слова. «И посадили его в тюрьму, низкие души, будь они прокляты», — вот так, примерно, должна была звучать эта строка в исполнении, хотя произносилась только первая половина строки. Поэтому текст песни не может дать представления хотя бы о том, как долго она поется. А по-албански эта песня укладывается в восемь строчек правильно одного четверостишного хоря, скрепленных одной сквозной рифмой.

— Кто такой Лазе Нуру? — потихоньку спросил я у Фикари, предполагая, что это известное в стране имя.

— Лазе Нуру — уроченный этой деревней. Он погиб в боях с оккупантами. Его память чтут здесь, а песня о нем — одна из любимых песен в Братый. Вот сын Лазе Нуру. Вар! — показав Фикари мальчика, худощавого, стройного, лет девяти. Он только что спустился сверху, с каменного холма, нависшего над площадкой. Там он сидел с другими ребятами и смотрел и слушал, как поют песню о его отце, а приезжие быстро записывают ее в свои книжечки.

Всегда есть что-то милое и удивительно трогательное в том, как маленький человек, ребенок, бойко говорит на неизвестном тебе языке. Дети в Братый, как всякие дети, не особенно придерживались принятых взрослыми канонических норм в обращении с гостем. Они стайкой выплзали все же мной, с нескрываемым любопытством разглядывая меня с ног до головы. Особенно их интересовали, как полагали Фикари, моя украинская рубашка и летние универсальные сапожнички. Никто из взрослых в соответствии с принятыми правилами не спросил о моем имени, профессиях в целом пришла в Братый, но дети, быстро войдя в контакт с переводчи-

ком, с настойчивостью потребовали ответа на все эти вопросы.

Я, со своей стороны, задавал им обычные в разговоре с детьми вопросы: как его зовут, сколько кому лет, кто кем хочет быть, когда вырастет. — Шофером, солдатом, милиционером, почтальоном, учителем — односложно и без колебаний отвечали ребята на последний вопрос. А один мальчик в трусиках, бахромками бахромками вокруг его ног, так же односложно и без колебаний сказал:

— Министром.

Мне даже показалось, что он при этом чуть покачал головой, как бы добавляя к своему ответу слово «конечно».

— Министром, конечно.

Это вызвало восторженный одобрительный смех и детей и взрослых. Немного смущенный Бекри Юсуфов, обратился ко мне с застенчивым в темноте своим карими, красными глазами, горячо пояснил:

— Видите, он понимает, что в свободной демократической республике можно, родившись в Братый, стать министром. Министры служат народу, и они должны быть из народа. Хорошо, — заключил он по-русски.

— Шуми мир! — очень хорошо! — подтвердил я, тронув мой крайний слуховой аппарат албанских слов, прибегаемых для особых случаев. И мы все сияли, охваченные внезапным приливом волнения и радости.

Поблагодарив исполнителей песни, я спросил: кто является автором ее слов.

— Селлим Хасани, — ответил мне, и ответил так, что я счел неудобным показывать, что это имя слышу впервые, и, кивнув головой, кое-как записал его в тетрадь.

— Нас просит зайти в дом, — сказал Фикари, и мы, спешившись руками, один за другим стали спускаться по узкой тропинке к ближайшему из домов в деревне.

Должно быть, то, что в популярнейшей среди албанских народов пляске — «коло» — люди крепко берутся за руки, происходит

от привычной предосторожности горцев: если один оступится, его удержат другие в пятачке. Но еще я заметил в Албании, что рукопожатия здесь долгие и крепкие, и не редкость увидеть, что двое албанцев — приятель или просто добрых знакомых, подоровавшись не ухватились или в дороге, долго стоят, не разжимая рук. А иной раз так и идут — рука в руке и беседуют...

Мы направились к дому, возле которого уже стояла наша машина.

Мы свернули в ворота, книжки своды которых подпирала вторая, жилой этаж дома — нижний служил клетью и сараем. По лестнице из каменных плит, врозь высокого русского крыльца, мы поднялись на свет фойе, предпринимая вынесенное на встречу, и очутились в мощных темных же плитных массивных стенах, у которых место называется ливаном. Стены дома и каменная плитняковая кровля сохраняют здесь тень в продолжение почти всего дня.

Засветила хозяйка дома, вдова Шемере, летящая лет сорока пяти. Она поздоровалась с гостями за руку и указав нам на открытую дверь той половины дома, где мы должны были расположиться, как все хозяйки мира, попросила извинить ей беспорядок в доме.

Время рабочее, она все время в поле, а дома никого нет: ее сын и дочь утася в городе. Сын скоро будет офицером. Последнее пояснение должно было, очевидно, послужить некоторым оправданием запущенности в доме, но низкой запущенности, конечно, не было. Выдвинутые наши проволочники вперед, я переступил порог комнаты, сплошь застеленной коврами, но лишней какого бы то ни было полой была мебели. Я все как-то перебалбал из того, что приходилось читать или слышать об обычаях домов подобного рода, и не до-

гадался оставить ботинки у порога, а когда сел в указанном мне углу, увидел, что все вступают в комнату в охких носках или босиком. Я быстро раздвинул, очень смущенный пошлостью молодого албанца помочь мне в этом, и ботинки мои были вдобавок на покоемном им месте. «Никто» из присутствующих даже бровью не повел, чтобы показать, что заметил мою оплошность. Врожденная вежливость и тактичность были проявлены и во всех других случаях, когда я делал что-нибудь непонятное по незнанию, а Фикари забывал най, опять же из вежливости, не хотел прекрупить меня.

В комнате сидело человек пятнадцать или более — все курили и молчали. Потока не было, и дым поднимался к потолку тяжелой плитняковой кровли.

Наконец, ко мне обратился сидевший, как все, в носках, но в полной своей форме с красными потными сельскими мялшовер.

— У него есть один вопрос.

— Пожалуйста, — обрадовался я.

— Он просит рассказать, как произошла Октябрьская революция, — перевел студент Свердловского университета, глядя на меня с таким участием, как будто я вытаскивал один из труднейших билетов на экзамене. Понятно, что мой ответ наводил на оговорку относительно того, что настоящее освещение этого величайшего исторического события потребовало бы много времени. Все слушали с глубоким вниманием, и я не мог вновь и вновь не почувствовать того, что я для них не просто агитатор, а помощник переводчика сообщавший им некоторые уже более или менее известные вещи, а живой, натуральный человек из Советского Союза, из Москвы, человек, который, может быть, своими глазами видел Сталина.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.